

Владимир Хлебцевич

Село Кленики перед беженством — во время мировой войны

У Нацыянальнай бібліятэцы Рэспублікі Беларусь захоўваецца архіў Яўгена Іванавіча Хлябцэвіча (1884-1953) — вядомага дзеяча беларускага адраджэння пачатку XX ст. Допісы ў „Нашу Ніву” ён падпісаў псеўданімам „Халімон з-пад пушчы”. Халімонам яго клікала Цётка.

У студзені 1906 г. семінарыст Літоўскай духоўнай семінарыі Я. Хлябцэвіч праводзіў калядныя вакацыі ў бацькоў у вёсцы Кленикі Бельскага павета Гродзенскай губерні. І раптам нечаканая тэлеграма: „Халімон, прыезджай у Менск на шлюб. Цётка”. Хоць і не зразумеў, што гэта за вяслле наладжвае Цётка, у Мінск паехаў. Знаёмыя правялі яго на канец горада, дзе недалёка ад Кальварыі жыву бібліятэкар Пушкінскай бібліятэкі Віктар Зелязей. Там ужо былі і Цётка (Алаіза Пашкевіч), Іван і Антон Луцкевічы, Карусь Каганец, Аляксандр Уласаў, Алесь Бурбіс, Фелікс Стацкевіч. Ва ўспамінах надрукаваных у 1924 г. у „Полымі” Я. Хлябцэвіч так перадасць словы, якімі Цётка яго сустрэла:

— А-а-а! Халімон?! Прыехаў-такі з-пад Белавежскай пушчы. А каб цябе халера! А мы думалі, што не прыедзеш на шлюб. Ну, сядай за стол, пі гарбату, пакаштуй шынкi, гэта шлюбная беларуская шынка...

Нарадзіўся Я. Хлябцэвіч 6 жніўня 1884 г. у мястэчку Жыровічы Слонімскага павета, дзе яго бацька, Іван Андрэевіч, быў выкладчыкам арыфметыкі і геаграфіі мясцовага духоўнага вучылішча.

Бацька быў чалавекам адукаваным, многа чытаў, цікавіўся гісторыяй і меў літаратурныя здольнасці. Ён — аўтар біяграфічных нарысаў пра царкоўнага дзеяча Іасафата Жарскага і сына Уладзіміра, які загінуў у час лютаўскай рэвалюцыі ў Петраградзе. У 1898 г., на саракавым годзе жыцця, І. Хлябцэвіч пакінуў пасаду настаўніка і стаў свяшчэннікам у вёсцы Кленікі.

У 1906 г. Я. Хлябцэвіч скончыў духоўную семінарыю ў Вільні і стаў студэнтам фізіка-матэматычнага факультэта Юр'еўскага ўніверсітэта, а праз паўгода перавёўся ў Пецяўбургскі ўніверсітэт, які закончыў у 1913 г. Рыгор Семашкевіч, першы біёграф Я. Хлябцэвіча, у кнізе *Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Пецярбурзе* (Мінск 1971) пісаў: „Вучыўся кепска — і ў духоўнай семінарыі, і ва ўніверсітэце. Здаецца, што палітыкай і грамадскай работай ён займаўся значна больш чым вучобай (...)”. Яўген Хлябцэвіч быў дзейным чалавекам, валодаў немалымі літаратурнымі, а яшчэ больш арганізатарскімі здольнасцямі. Студэнт Я. Хлябцэвіч удзельнічаў у арганізацыі і рабоце гуртка па вывучэнню Гродзенскай губерні, быў арганізатарам Беларускага навукова-літаратурнага гуртка студэнтаў Пецярбургскага ўніверсітэта.

Ужо ў студэнцкія гады вызначалася ў яго асаблівая цікавасць да кнігі і бібліятэчнай справы, бібліяграфіі. Менавіта гэтай рабоце будзе прысвечана ўсё яго жыццё. А пачынаўся гэты шлях са стварэння на сродкі кнігавыдаўца Фларэнція Паўленкава ў 1906-1907 гг. народных бібліятэк у Гродзенскай губерні. Такая бібліятэка была арганізавана і ў Кленіках.

У 1911 г. Я. Хлябцэвіч удзельнічаў у рабоце Усерасійскага з'езда па бібліятэчнай справе, дзе выступіў з дакладам *Развіццё бібліятэк на Беларусі*, а ў 1912 г. студэнцкі гурток выдаў у Коўне яго брашуру *Бібліятэка і кааперацыя*, якая з'явілася адной з першых прац па тэорыі і арганізацыі бібліятэчнай справы. У гады грамадзянскай вайны Я. Хлябцэвіч займаў пасаду начальніка бібліятэчнага аддзялення Палітычнага ўпраўлення Рэўваенсавета рэспублікі, затым працаваў у Наркамасавеце РСФСР, выдавецтве, а з 1943 г. і да апошняга дня свайго жыцця, 20 кастрычніка 1953 г., быў выкладчыкам, вучоным сакратаром Маскоўскага бібліятэчнага інстытута. У 1947 г. ён абараніў кандыдацкую дысертацыю.

Яўген Хлябцэвіч увайшоў у беларускае літаратуразнаўства як аўтар працы *Адраджэнне беларускай народніцкай літаратуры*, надрукаванай у 1914 г. і перавыдадзенай у 1917 г. пад назвай *Народніцкая паэзія беларусаў*, а таксама як аўтар артыкулаў і ўспамінаў пра Яна Баршчэўскага, Францішка Багушэвіча, Янку Купалу, Цётку.

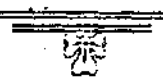
Д. 6523
271002
Вънокъ отца
на могилу сына.

ВЪНОКЪ ОТЦА
НА МОГИЛУ СЫНА.

ЖЕРТВА ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:

155 10 КРАТКІЙ

**БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
СТУДЕНТА
В. И. ХЛѢБЦЕВИЧА.**

Составилъ
Протоіерей Іоаннъ Андреевичъ ХЛѢБЦЕВИЧЪ.

Сырань, типографія Н. А. Журкина.

Весь сборъ за эту книгу поступаетъ
въ фондъ на сооруженіе ПАМЯТНИКА
на могилѣ В. ХЛѢБЦЕВИЧА.

Першая старонка *Краткого биографического очерка студента В. К Хлебцевича*

Уладзімір Іванавіч Хлябцэвіч (1894–1917) вучыўся ў Пецяўбургскім універсітэце. Ён цікавіўся этнаграфіяй, яго нарыс пра вёску Кленікі, які друкуецца ніжэй, перапісаны Я. Хлябцэвічам, захоўваецца ў Нацыянальнай бібліятэцы Рэспублікі Беларусь. У літаратурным музеі Максіма Багдановіча і Беларускам дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва зберагаюцца карэктурныя адбіткі нарыса *Прамежкая ступень паміж беларусамі і маларосамі* з праўкамі Я. Хлябцэвіча. У Літаратурным музеі Якуба Коласа захоўваецца адрэдагаваны і перапісаны Я. Хлябцэвічам варыянт гэтага ж артыкула пад назвай *Прамежкая ступень паміж беларусамі і ўкраінцамі (Промежуточная ступень между белорусами и малоросами)*. Матэрыял гэты прадстаўляе сабою фрагмент ніжэйдрукаванага нарыса пра Кленікі.

Рукапіс нарыса У. Хлябцэвіча пра Кленікі складаецца з 15 старонак, густа запісаных рукою аўтара. Нямаюць правак у тэксьце і наўнасьць розных яго варыянтаў сведчаць пра тое, што Я. Хлябцэвіч хутчэй за ўсё стараўся ўпарадкаваць занатоўкі брата. І хіба толькі дзякуючы таму гэтыя тэксты захаваліся да нашых дзён.

Нарыс пра Кленікі з’яўляецца адзінай вядомай неапублікаванай працай У. Хлябцэвіча. Магчыма, што яшчэ нешта было закапана, разам з рэчамі Я. Хлябцэвіча, непасрэдна перад бежанствам. 25 верасня 1915 г. У. Хлябцэвіч паведамляў у лісьце Яўгену: „Усе сяла гарэлі пры непрысутнасьці нашых людзей. Кнігі (10 скрыняў) закапаны ў вельмі надзейным месцы. Там тваё ўсё. Закапывалі я і Маліш. Твае рукапісы пра беларускіх пісьменнікаў і лісты іх таксама былі схаваны там, у скрынях. Я знаю дзе...” Як вядома, Хлябцэвічы з бежанства ў Кленікі не вярнуліся.

Вігаль Скалабан

(Мінск)

Дарафей Фёнік

(Бельск-Падляшскі)

Очерк Владимира Хлебцевича

Село Кленики перед беженством — во время мировой войны

(Очерк о селе Кленики Вельского уезда Гродненской губернии, составленный Владимиром Ивановичем Хлебцевичем, павшим жертвой февральской революции на улицах Петрограда в 1917 г.)

*То были дни, когда молох кровавый,
Сорвавшись с яростной цепи,
Расставил смерти барельефы
Среди разрушенной страны.*

В.Х[лебцевич]

Село Кленики Вельского уезда Гродненской губернии находилось в расстоянии от немецкой границы на северо-западе не более — 100 верст будучи защищаемой с этой стороны крепостью Осовец, находившейся от Кленик в расстоянии 70 верст. На юг от Кленик, даже немного на юго-запад в расстоянии 80 верст находился Брест-Крепость. Кленики находились к востоку от Вельска в расстоянии 16 верст от него. За Клениками в 18 верстах находилась Беловежская пуца. Бельск был небольшой уездный городок с населением в 8 тысяч. Здесь были казенные учреждения, чиновники — эти почти единственные представители русской интеллигенции, были мещане и преимущественно торговый и ремесленный клан населения.

Большая часть населения Вельска по национальности — евреи. Благодаря железной дороге и близости Белостока, этого фабричного центра, а также благодаря соседству с Привислинским краем продукты и предметы торговли были здесь, можно сказать, не дорогие, особенно в мирное время, перед войной. Во время войны жизнь в Вельске наружно почти не изменилась, разве кое-где можно было увидеть домик, где помещался лазарет, что можно было заметить по вывеске с красным крестом, да по там или сям высунувшимся из окошка раненом солдате. Изредка в Вельском уезде слышны были отдаленные звуки бомбардировки под Осовцом. Когда стреляли из средних калибров под Осовцом или же происходили сражения где-нибудь вдалеке, под Варшавой или Ивангородом или Ломжей, то до нас эти звуки долетали лишь в виде каких-то тяжелых и тихих сотрясений, их уловить можно было скорее внутренним каким-то чутьем, чем ушами; и часто когда двое прислушивались, то один ушами не слышал, а другой же чувствовал это сотрясение

в воздухе. При тяжелой бомбардировке Осовца немцами, что повторялось несколько раз, раскаты и сотрясения доносились вполне отчетливым гулом, производя неприятное впечатление на местных жителей. Местная жизнь переполнилась самой разнообразно-радужной смесью сплетень и слухов. Это как в городе, так и в селе. В селе даже еще больше передавали новостей, которые оповещали о событиях раньше газет, доставляемых сюда только три раза в неделю. Все это было причиной самых ярких нелепостей. Когда мы получили телеграмму от брата состоявшего на фронте рядовым 300 заславского пехотного полка, который сообщил, что жив и здоров, кланяется нам, то одна старая крестьянка стала распускать слухи о том, что пришла телеграмма, извещающая о предстоящей реквизиции скота. Бабы создали особую примету о действиях нашей армии. Когда немцы наших гонят, то ветер на нас с Запада дует, а когда наши их бьют, то от нас ветер. Говорили об увозе за границу капиталистами золота в гробах и бочках: бочка с селедками сверху содержит будто бы бочку с золотом и прочие вздорные слухи и сплетни.

Прежде чем писать дальше — остановимся на некотором обзоре села Кленики. Оно находится на большой трактовой дороге Вельск — Нарев и состояло из 200 дворов или около этого, жителей было в нем 1 1/2 тысячи.

Перед самым нашествием немцев (село Кленики подверглось немецкому нашествию на 2 год мировой войны — в августе 1915 года) за два с половиной месяца военное ведомство решило в виду бездорожья поправить и замостить кой-где дорогу из Вельска в Волковыск через Кленики, протяжением в 120 верст. Решено было сделать это в один месяц. Приступили к делу так, как будто работа должна живо закипеть; первое время в 2 или 3 дня всю мостовую старую в с. Кленики разобрали, поставили калышки для новой, — а затем дело заглохло. Навезены были кое-как камни, везде их можно было видеть по сторонам дороги из Вельска. Через Кленики, т.е. через одно только село как-то навели мостовую, за исключением „Клебанщины" т.е. части села от церкви до часовни. А в центре села около церкви только разбросали мостовую, но не наводили новой, так как здесь улица суживалась и боялись начать работу, чтобы не помешать движению войск, которое могло со дня на день двинуться всей массой. Работы же по устройству дороги вне села так и остановились в мертвой точке. Приезжал в это время

1 І сёння Кленікі традыцыйна падзяляюцца на тры часткі: Загаты, Клебаншчына і Кунэць. Часоўня, распаложаная на скрыжаванні дарог Вельск — Нарва і Городчыно — Чыжы, была пабудавана перад 1904 г.

и государственный контролер в Кленики на автомобиле. Это был первый автомобиль в Клениках. Крестьяне видя — как туго и мертво движется работа, выражали порицание по адресу инженеров строителей и государственных порядков. Дело заключалось в этом, что за первую неделю работы крестьяне не получили ни копейки денег и не захотели больше работать, хотя раньше говорило начальство, что и в праздники работа должна продолжаться, что нечего смотреть теперь на праздники. Так как скоро началось отступление, то крестьяне денег за работы вовсе не получили. Крестьяне рассказывали, что здесь уже 5 лет тому назад должно было быть выстроено шоссе, а не мостовая, что один инженер или офицер, взглянув на карту, увидел, что там т.е. между Вельском и Волковыском помечено шоссе, хотя такого здесь никогда не существовало. Инженеры, мол, здесь только починяют дорогу, а не строят новую, так как здесь дорога уже давно значится построенной. Не знаю, насколько это правдоподобно, но эти рассказы крестьян характеризуют их настроение и недоверие к государственному аппарату царской России.

Кленики состояли из одной прямой улицы, но с боку на дороге в Щиты при селе находился дом, принадлежавший Михаилу Карпинскому. Хотя он сам занимался хозяйством, то считал себя представителем сельской интеллигенции. По одежде он только тем отличался от крестьян, что ходил в черном т.е. как ходят мещане возле городов. Это был, кажется, единственный представитель местной родовой шляхты. В его доме обстановка была совершенно отлична от крестьянской. Среди старейших фруктовых деревьев, как-то тихо выглядывал этот поносившийся домик. Впереди было деревянное крилечко и тут же низкая дверь в дом. Белый цвет дома, выкрашенного мелом, как-то отличал его от прочих крестьянских домов, так как здесь не принято у крестьян выкрашивать мелом свои дома. Это напоминает более украинские хаты. Ветхая соломенная крыша, как будто шапка, покрывала его и защищала хозяев от дождей и непогод.

И так, открывая двери, приходивший попадал в темные сени, о содержании которых трудно было что-нибудь сказать; только всякому запоминались какие-то неуловимые клямки, в виде кусков железных пластинок, привешенных так, чтоб незнакомому человеку было как можно труднее их найти и перешагнуть порог, а также вместе с клямками в памяти оставался пол с неровными досками, напоминая собой расстроенный инструмент. При входе гость входил в гостиную, по величине своей пропорциональную домику комнату. Деревянный пол, чистый, покрытый половиком для прохода, потолок и длинная кирпичная печка, занимавшая чуть не

всю стену, были покрыты белой покраской — мелом. В углу над столом со скатертью и боковыми лавками — несколько образов, на стенах какие-то князья с их характерными отчествами, точно у вполне знакомых лиц: „Александровичи, Павловичи, Константиновичи“. В углу, возле дверей шкафчик с посудой, возле печки двери, прикрытые портьерами. Все это носило печать семейной домовитости, как это бывает в приспособленных к постоянному пребыванию домах. За гостиной двумя дверями были проходы в маленькие внутренние комнаты. Гости туда не входили в обычных случаях, ограничиваясь пребыванием лишь в первой комнате, бывшей гостиной столовой вместе. Хозяева были люди гостеприимные, любившие в праздничные и торжественные дни не уронить себя перед гостями в смысле угощения и вообще приема, но делали они это вполне радушно. Обычно такие посещения пестрели разнообразием местных слухов и передачей довольно десертных в деревне новостей. Хозяин любил и выпить с гостями и поговорить, да и прихватнуть немного в рассказах. Крестьяне его уважали, считали его как бы интеллигентом, но он вел хозяйство сам, крестьян не чуждался, был пчеловодом и заведующим конским набором в волости, по этой должности хотя и не получал жалованья, но за долголетнюю и безупречную службу заслужил серебряную медаль. Теперь при мобилизации ему пришлось заведывать списками, принимать и сдавать лошадей, за что он удостоился суточных и прогонных.

Упомяну еще про двухклассное училище с 2 учителями². Старшим был Четырбок, аккуратный, педантичный на вид и запойник по виду, но все же деловой, тощий и любящий все рассудить человек, начинающий свои рассуждения словом: „Хорошо, ведь если“ и т.д. Все это сопровождалось вдумчивой миной и серьезной и по возможности точной аргументацией. По взглядам это был человек изредка высказывавший свободололюбивые взгляды, но все же положительный, и, кроме того любитель огородничества (опытный огород).

В 1907 году стараниями и инициативой моего брата Евгения, бывшего тогда студентом Петроградского Университета, была открыта в с. Клениках бесплатная народная библиотека-читальня имени Ф. Ф. Павленкова. Известный издатель Павленков пожертвовал по завещанию капитал на устройство народных библиотек. Было пожертвовано сначала книг на 100 рублей душеприказчиком Павленкова, кроме того, брату по сделанному им объявлению

2 Школа (народное вучылішча) існавала ў Кленіках ужо ў 60-х гадах XIX ст.
3 80-х гадоў пачала дзейнасць аднакласная жаночая школа.

Дисциплина сердца
ВЪЧНЫЯ ЗАГРОБНЫЯ ТАЙНЫ.
11008 "Идеология"

КАНЪ ЖИВУТЪ НАШИ УМЕРШЕ,
ИХЪ СОЮЗЪ СЪ ЖИВЫМИ.
ИХЪ БЛАЖЕНСТВО И МУКИ.

По учению Священнаго Писанія, Отцевъ и Учителей церкви.

Составилъ Николай Ивановичъ Рышковъ, Троице-Сергиевскаго монастыря

Игуменъ Антоній.

МОСКВА.

Таво-Литографія П. Ефимова, Большая Дворянская, соборная, д. 12.
1898.

в Петроградских газетах было пожертвовано для библиотеки различными лицами 2 ящика книг и журналов. Затем из фонда Павленкова было получено книг вторично на 150 рублей. Всех книг в библиотеке было на рублей 600-800. Эта библиотека была помещена намеренно не при школе, а в доме крестьянина — в особой комнатке, в которой части квартировали вторые учителя (чтоб избежать контроля инспекторов народных училищ). Библиотека содержала на ряду с легальными книгами и книги, под переплетом которых были сначала легальные — а далее и нелегальные сочинения. Газеты присылались бесплатно по просьбам библиотеки, не имевшей никаких средств. Два шкафа же и каталог добыли благодаря сочувствию читателей этой библиотеки. Что случилось с книгами — при общем бегстве из села Кленик — не знаю, но, думаю, что библиотека уже больше не существует, если все подверглось действию пламени. Хозяин же, растерявшись сам, ничего не предпринял для сокрытия книг в землю. Я был у него 6 августа 1915 г. и книги были в шкафах.

В 1911 году тоже по инициативе брата была открыта потребительная лавка (коопертив), помещение для нее построил возле своего дома крестьянин (у него находилась также библиотека). Открыта была в конце лета. Первым покупателем был учитель Иван Гаврилюк, купивший фунт селедок за гривенник. Это было, кажется 28 июля 1911 г. С тех пор за 3 года существования лавка расширилась, оборот ее годовой достиг 3 600 рублей. Но крестьяне, заправили лавки, не понимая задач и целей кооперации, старались лишь о выгодах, больше имея в виду не доброкачественность и дешевизну в обслуживании нужд потребителей, а наживу. Так, на те продукты, которые обычно покупаются „панями“, налагали по собственной оценке, вдвое больше цены, нежели покупали, например, цикорий, покупая по 18 коп. за фунт, продавали по 54 коп. Особенно комично это было в отношении лекарственных товаров, на которые они налагали тройные цены, считая что это товары более „панские“, чем мужицкие.

Однако в 1914 году в виду раскола между приказчиком, которому принадлежало помещение лавки и правлением, последнее решило построить свою собственную лавку и перенесло из прежней товары. В приказчицы была нанята одна бойкая деревенская девушка. Прежний же приказчик Григорий открыл свою собственную торговлю, его жена пекла пироги и продавала. И вот стала расцветать местная частная (не еврейская) торговля на ряду с кооперативом³.

3 У іншай версії нарыса Уладзіміра Хлябцэвіча, перапісанага яго братам

Нарева, а может быть и других народов. Можно сказать также, что это была промежуточная ступень с преобладанием первого элемента. Язык по существу более белорусский пестрел какими-то останками церковно-славящины⁵, также небольшим влиянием польского языка.

По-белорусски: ён, бачиу, ходзиць, хочець, ён маў.

По-малорусски: вин, бачив, ходить, хоче, вин мав.

По-нашему кленикскому: вон, бачиу, ходити, хоче, вон меў.

По-польски: он, зобачыл, ходзиць, хцял, он мял⁶.

Были и такие слова, сходных которым я не слышал в других языках, например „лони" — в прошлом году, „саган" — большой горшок, „сбоже" — жито, „саян" — народная юбка, „браковец" — кольцо, „сверсцядло" — зеркало, „плахта" — большой платок, „ветэ" — вы, „дивоснубы" — сваты, „скрыня" — сундучок, „голе" — ветки, „далибух" — ей-богу, „коунер" — воротник, „шпихер" — амбар, „постолы" — лапти, „обротка" — уздечка, „без" — вяз и „шумка" — особое кушанье из конопляного семени и т.д. Во многих словах слышалось твердое „э" или более мягкое „е" или „ие", например „миеу".

Одежда: Костюмы мужчин такие: шапки: 1) зимою теплые низкоцилиндрические, ватные, мелкий барашек сверху, наверху бархатное доньшко, 2) фуражки из темно-синего сукна с козырьками. „Нагавицы" или брюки летом полотняные из самодельной льняной материи, пестро вытканые, а зимою теплые шерстяные из своей шерсти, которую отдавали на выделку. В таком виде летом работали на полях, ходили при этом босиком. В более холодное время в сапогах или лаптях. Женщины ни в сапогах, как у хохлов, ни в липовых лаптях не ходили. В более холодное время носили „чугай" — сермяги белого цвета — пальто из шерстяного толстого сукна, в виде штатского пальто с зелеными каемками на рукавах и воротнике. Зимою одевали шубы „кожухи" поверх чугая или же без него. „Кожухи" это шуба с воротником, сшитая из бараньих мехов, без сукна, имевшая желто-коричневый цвет. Летом в праздничные дни ходили в церковь также в этих сермягах или же в шу-

5 „Примеры мы можем видеть в часто повторяющихся дательн. падежах: „ко-неви", „паршукови", „попови", „паничови", а также зват. пад.: „батюшко, матушко, паничу!". Зноска У. Хлябцэвіча.

6 У карэктурнай адбітцы *Промежуточной ступени* ў гэтым месцы рукою Я. Хлябцэвіча дапісана: „Что касается условных черточек, то гласная с „у" обозначает иотованную букву. Черточка „о" обозначает у'тированную букву. Часто встречалось „э" (или более мягко „е") или матованное „е" напр. „вистэ" — вы".

бах. Парни же, а теперь отчасти и более пожилые, стали наражаться (особенно в праздничные дни) в черные костюмы из более дешевой шерстяной материи, брюки в сапогах или же даже на выпуск, на голове фуражка с козырьком.

Женские костюмы: юбки („сподницы“) обыкновенно льняные или шерстяные своей работы, цветные, усердно выпряденные, в теплое время одевались в рубашку. Летом в таком костюме босиком работали. Кофточка девушки делала летняя из покупного ситцу. В зимнее время носили платки купленные — „хустки“, завязывая их за голову, и большие от дождя и ветра самодельные платки — „плахты“. Бабы на голову надевали иногда „чепцы“ (более красно-желтого цвета). Летняя „хустка“ быляркоцветная с преобладанием красного цвета. На ногах „черевики“ башмаки чаще на голую ногу. Дома же иногда носили „лапти“, сшитые из толстого шерстяного сукна, тоже на голые ноги. Когда шли в церковь по праздникам, то в виду большего расстояния деревень от села (4-8 верст) этот путь бабы и девушки проходили босиком, а невдалеке от церкви останавливались и одевали на босую ногу башмаки, а бабы преимущественно „лапти“ на чулки. Крестик у девушек и баб всегда висел на верху верхней одежды.

[Этим я закончу описание костюмов с научной стороны.]⁷

Крестьяне по своим политическим убеждениям отрицали разные социальные группы, на которые расслоилось крестьянство, были бедные и середняки в большинстве и темные, но были и рассуждающие, сознательные, были и кулаки („богатыри“), вполне покоряющиеся тому — что есть, среди крестьян середняков были и протестующие в разговоре, то с насмешкой, то со словами „а знаете, что я вам скажу...“ Группа бедняков и середняков находилась под влиянием фабричных рабочих города Белостока. Некоторые из этих крестьян в 1905 году охотно распространяли нелегальные прокламации среди саженой дров в Ляцкой пуше, куда они ездили за дровами, всовывая эти прокламации в сажени дров между отдельными поленьями⁸.

7 Той фрагмент існує тільки ў карэктурцы *Промежуточнай ступени*.

8 На гэтым канчаецца рукапіс *Очерка...* У карэктурнай адбітцы *Промежуточнай ступени...* даецца іншы варыянт таго выказвання: „Крестьяне по своим политическим убеждениям были или смиренные, простаки или без убеждений темные и бедные, без всяких представлений, кроме, как о далеком царе и близкой предрержавшей власти и полиции, были и рассуждающие, и верно-поданные, были кулаки („богатыри“), были вполне покоряющиеся тому, что есть, или и более рассуждающие и протестующие в разговоре, то с насмешкой, то со словами „а знаете, что я вам скажу...“. В общем, пожилые мужики, как более консервативный элемент, были люди патриотичные, хозяйственные“.

Вобщем народ, несмотря на устройство школ, был непросвещён, темен даже, усвоил взгляд на просвещение, как на выход в чиновники. Постился очень аккуратно и строго, но в посту нередки были и воровства, а летом всегда поправки.

Однако, несмотря на все эти недостатки, были и кой-какія общія положительныя черты, заставляющія теперь вспоминать с некоторой идеальной стороны (может быть привычка) общій колорит нашего края⁹.

17 сентября 1915 г.

Владимир Хлебцевич

⁹ Заканчэнне тексту (запісанае курсівам) паходзіць не з рукапісу, а з карэктурны *Промежуточной ступени...* Рэдактары палічылі слушным змяшчэнне таго ж фрагмента ў асноўным тэксце, а не ў зносках, дзеля стылістычнай завершанасці *Очерка...*